

Ведущий полосы Ян Шенкман

ВНЕКЛАССНОЕ ЧТЕНИЕ

NG Ex Libris (прил. к Независимой), 2004. — 16 сент. — 95

ИСПОДЛОБЬЯ
Евгений Лесин

Все-таки коллега работал

Сегодняшний выпуск «Внеклассного чтения» посвящен Борису Виану. Виан промелькнул, как промелькнули Высоцкий и Ерофеев. Прославился сразу после смерти, хотя и при жизни был и знаменит, и скандален. Потом — любовь исследователей, но не всенародная. В России Виан появился в 1983 или 1984 году —

маленькой книжечкой, приложением к «Иностранке». Я его читал в ксерокопии весной 1987 года, отсюда и отсутствие точных сведений. Кстати, примерно в то же самое время читал я и Лимонова, тоже ксерокс. А Венедикта Ерофеева тогда передавали по радио.

Веселое было время. Суть, впрочем, в другом. В том, что

Виан, по-моему, более всего напоминает Шукшина, только Шукшина наоборот. Шукшин — самый европейский, самый французский из всех русских писателей советского периода. Актер и сценарист, писатель и драматург. Как Блю, как Аллен Роб Грисе и прочие.

Борис Виан, напротив, — самый русский. Точнее даже — русско-советско-антисоветский. Музыкант, как Высоцкий, абсурдист, как все почти русское подполье. Лучший, на мой взгляд, рассказ XX века — «Водопроводчик» — совершенно советское произведение. Французам читать его смешно, потому что абсурд, нам до смерти смешно — потому что правда. Виан выдумал то, что для нас раньше было (да и сейчас является) жизнью. «Ванная там», — сказал водо-

проводчик, которого не ждали, и заблудился в квартире. Разломал все к чертовой матери, а потом решил: «Вот что: я восстановлю то, что они тут соорудили. Все-таки коллега работал...» Разумеется, он ошибся этажом, но соседка сверху пришла не сразу: «Семеро моих детей утонуло. Только двое старших еще дышат, вода пока доходит им до подбородка...»

Нам смешно, и мы плачем, французы улыбаются. Новеллы Виана — жемчужины прозы XX века, «триллеры» — лучшее в жанре триллера и пародии на триллер. Даже «Пена дней» хороша, хотя и затянута.

И еще. Когда мои стихи или прозу подвергают острой суровой редактуре, я никогда не спорю. Все-таки коллега работал.

Судьба трубача

«Отцы и дети» студенческой революции

Станислав Артемов

Лучшим названием его биографии было бы «All this jazz». Правда, оно уже использовано Бобом Фоссом для трагикомедии о постановщике мюзиклов. Переведенное на русский прямолинейно, как «весь этот джаз», это выражение в американском английском означает «вся эта суета». К судьбе Виана любое из значений «all this jazz» имеет прямое отношение.

Он жил в бешеном ритме и, когда накачивало, мог работать сутками напролет. Разрывался между многочисленными увлечениями. Писал прозу, стихи, пьесы. Выступал в роли журналиста, сотрудничая одновременно с несколькими журналами — «Jazz Hot», «Combat» и детищем Сартра «Les temps modernes». Писал сценарии и снимался в кино — на его счету почти полтора десятка фильмов. Был арт-директором парижской фирмы звукозаписи «Fontana» — отделения компании «Philips». Сочинил более четырех сотен песен.

Пожоже, не писательство, а джаз был главной страстью Виана. Биографам следует хоть изредка доверять своему герою. Он ведь неоднократно заявлял, что литература для него — род коммерции. Другое дело — джаз.

Виан играл на трубе в любительских оркестрах с 18 лет. В конце сороковых он возглавил клуб «Табу» в квартале Сен-Жермен-де-Пре, где в послевоенные годы была сосредоточена артистическая жизнь Парижа. Судя по сохранившимся записям, Виан мог бы войти в число классиков джаза. Помешала болезнь сердца — из-за нее он вынужден был прекратить играть на трубе.

Тем не менее Виан остался в центре музыкальной тусовки. Именно Виан, став одним из ведущих джазовых критиков своего времени, приглашал в Париж Дюка Эллингтона и других королей жанра.

В отличие от наших дней американская культура в послевоенной Франции была весьма популярна. Публика интересовалась не только заокеанской музыкой, но и литературой, в том числе массовой. Особым успехом пользовался жанр «черного» романа с его доселе непривычной европейской жесткостью и открытостью в описании сцен насилия и секса.

Наверняка Виан был не слишком высокого мнения об этом бульварном чтении. Иначе бы не заключил знаменитое пари: взлезть создать «черный» роман, не отличимый от оригинала. Задача не отняла много времени — всего две недели. И в ноябре 1946 года на французские прилавки была выброшена книга «американца» Вернона Салливана «Я приду плюнуть на ваши могилы».

Среди литературоведов принято говорить о сочинениях Салливана как о «блестящем решении сложной стилистической задачи». Наверно, скрывается пистет перед классиком. Иначе трудно объяснить, почему удачная стилизация под второстепенную писанину объявлена шедевром.

Творения Салливана должны были разделить судьбу американских аналогов — кануть в Лету. Вмешался случай: французское общество «Морального и общественного действия» подало на «переводчика» Виана в суд за оскорбление общественной нравственности. Благодаря такой рекламе было продано 120 тысяч экземпляров романа. Вдохновленный скандальным успехом, Виан пишет еще две книги под именем Салливана. Но повторить успех ему не удалось, и он поставил крест на своем проекте.

И все же не только Виан похоронил Салливана, но и наоборот. В 1959 году вопреки желанию автора роман «Я приду плюнуть

Судьба играет человеком, Виан играет на трубе.

Фото 50-х годов

Черный юмор и белый негр

Какого цвета мертвый Борис Виан?

Ян Шенкман

Абстрагирование от собственного текста не в традициях русской литературы. Литературы дидактичной и исповедальной одновременно. Привыкшей брать на себя ответственность за нравственный мир читателя. И перекладывать на читателя ответственность за свой собственный нравственный мир. Отсюда наше доверие к поэту, писателю, литератору...

А между тем писатель и его алтер эго бываю столь непохожи, что даже не знакомы друг с другом. Как «Сержант Пепер» и группа «Битлз». Как Либ-

тами: Дюком Эллинттоном, Чарли Паркером, Майлзом Дэвисом.

Теперь о главном. Главный у Салливана герой — белый негр. Черные романы о белом негре — вот что такое «Я приду плюнуть на ваши могилы» и «Все мертвые одного цвета».

White negro — оксюморон, персонаж, полный противоречий. Черным по белому или наоборот — вот основная проблема этого человека. Но Салливан — автор, чуждый психологизма, рефлексии и душевных метаний. В ходу у него лишь две краски. Полутон отсутствует начисто...

Полковнику Паркеру, менеджеру из южных штатов, принад-

вать белый верх Пресли, игнорируя его черный низ. Католическая церковь громыхнула в ответ на появление этого человека и потратила на него пару своих лучших, благопристойнейших молний. Девочки на концертах заходились от восторга и стыдливо прикрывали глаза. Сейчас все это кажется немного наивным. И невинным, как поллюционный сон или первая стопка водки...

Законы человеческой психики, видимо, таковы, что первый том «Мертвых душ» привлекает для нас, чем второй, просветленный. Зло содержит в себе то, в чем нам трудно признаться. Наблюдать за ним приятно, хотя и немного стыдно. Но чем стыдней, тем, пожалуй, приятней. Есть какой-то закон контраста, по которому белый верх — черный низ действуют идеально. И вот манекенщицы выходят за аристократов, а богатые старые девы мечтают о монстрах в нестиранном нижнем белье...

На эту тему как-то не принято распространяться, тем более в бульварном романе. Деньги и стремление вызвать скандал — вот две уважительные причины написать бульварный роман. Хуже, когда такие вещи пишутся от души. Последствия непредсказуемы. Случается и так, что текст независимо от авторских планов начинает воздействовать на реальную жизнь.

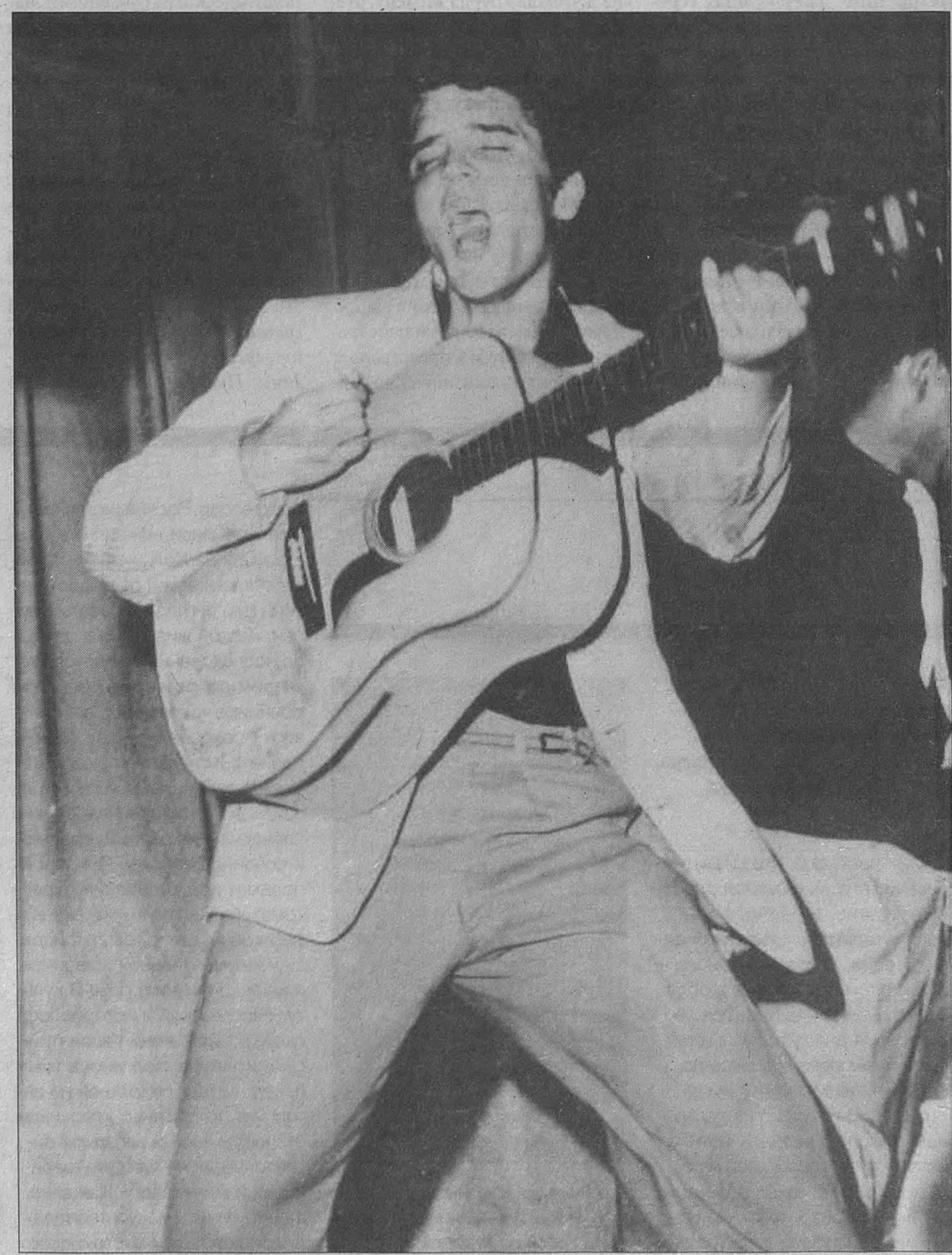
Чтобы было понятней, перекажу канву этих крутых текстов. Некто, ощущающий себя негром в белой овечьей шкуре, трахает белых женщин и боится

разоблачений. Но кто чего боится — уж точно не избежит. До разоблачений дело постепенно доходит. Следует ряд бессмысленных и довольно жутких убийств. Главный герой погибает. Тут наконец выясняется, что не такой уж он негр, как казалось. И опасения его были вовсе напрасны. Они ему пригодились.

Так устроен роман «Я приду плюнуть на ваши могилы». Желаящие могут сравнить его с набоковским «Отчаянием», далеко не бульварным. Тема практически та же. Сходство усугубляется общей атмосферой цинизма и хлесткой репликой в виановском духе, завершающей «Отчаяние»: «Выйти на крыльцо и произнести небольшую речь».

У виртуального Салливана минимум две реальные жертвы. Французская криминальная хроника начала пятидесятых сообщает о торговом служащем Эдмоне Руже, задушившем свою подружку. Возле трупа, обнаруженного в одной из гостиных на Монпарнасе, убийца оставил томика Салливана. Он был раскрыт на странице, где описывается, как герой убивает свою любовницу.

Вторая жертва — Виан. В июне 59-го на просмотре фильма по роману Вернона Салливана он скончался от сердечного приступа. Что убilo его — сознание собственной неудавшейся шутки или впечатление от искореженного кинематографом оригинала, — не знает никто. Не так уж они были похожи — Салливан и Виан.

«Выйти на крыльцо и произнести небольшую речь».

Элвис Пресли. Фото 50-х годов

Богатые старые девы мечтают о монстрах в нестиранном нижнем белье...

Желтов и Высоцкий. Однако публике недолго разбираться во всех этих тонкостях. Публика не прочь облегчить себе жизнь и упростить некоторые понятия. И вот маска, опрометчиво надевшая автором, намертво прирастает к лицу...

Борис Виан, попавший в эту ловушку, был не совсем обычным писателем. Делая поправку на время, язык и разницу в темпераментах, его с некоторым приближением можно считать французской инкарнацией Хармса. Абсурдные построения его лучших рассказов, мрачная ирония плюс отсутствие рефлексии — все напоминает атмосферу хармсовских «Случаев» и знаменитой «Старухи». Это в некотором роде искусство для искусства, причем лишенное желания нравиться всем. Некокетливое искусство абсурда.

С благодарностью я вспоминаю виановский рассказ, где водо-проводчик, злой ангел-разрушитель, врывается в быт холостяцкой квартиры и, произведя там подобие апокалипсиса, заявляет, что ошибся этажом, позволив не в ту дверь...

Виан не подводил ни малейшей идейной платформы под то, что писал, и в отечестве своем (как и Хармс — в своем) был обречен на заведомый неуспех. Его главный роман «Пена дней» прошел почти незамеченным. Одно время Виан был вынужден зарабатывать на жизнь службой в госаппарате и литературной поленицией. Ситуацию надо было как-то менять.

В этот момент и родился в полном смысле виртуальный автор — детективный Вернон Салливан, мулат из Чикаго, проживающий в Париже. И не важно, что автор этот — фантом, плод литературной мистификации. Важно другое: тексты его художественно полноценны, обладают ярким авторским стилем. Значит, такой писатель действительно существует.

Салливан — не только, результат отсутствия денег, славы, уважения критиков, но и плод реальной ненависти Виана к снобам, к европейской элитарной культуре. Он также — последствие экспансии Штатов в освобожденной Европе. И общения с черными джазовыми музыкан-

на ваши могилы» был экранизирован. На премьерном показе фильма Борис Виан скончался от сердечного приступа.

Весь цвет парижской богемы собрался на похоронах «принца смерти Виана, даже не упомянул его литературные заслуги. В солидном «Словаре современной литературы», выпущенном парижским университетским издательством в 1962 году, о Виане нет ни слова.

Ситуация странная: после того, как выяснилось авторство «салливановских» книг, Виан получил порцию скандальной известности и должен был оказаться нарасхват у издателей. К тому же роман «Пена дней» претендовал на получение недавно созданной литературной премии Племды.

Рабочие глупы, потому что согласны с утверждением, что труд превыше всего

Все оказалось с точностью до наоборот: интерес издателей к творчеству Виана падает. Новые его книги выпускают все менее охотно. Они годами пылятся на полках. Не были замечены ни критикой, ни публикой сборник рассказов «Мурашки», роман «Красная трава»... Постановка пьесы «Всеобщая живодерня» провалилась.

К началу 50-х Виан оказался аутсайдером, но упорно не желал сдаваться и продолжал писать. Из-под его руки выходят несколько пьес, а в 1953 году написан «Сердце», оказавшийся, как потом выяснится, последним романом Виана.

Ровно десять лет спустя, когда писателя уже не было в живых, его настигла слава, не сопряженная со скандалами. Причиной стала переизданная в карманной серии «Пена дней». Всплеск популярности Виана способствовал студенческому бунту шестиде-

сятых. За ним закрепилась репутация «первого агитатора мая 1968 года». А ведь когда сам Виан находился в возрасте тех, кто в 60-е поднимал его на шит, он испытывал, по собственным словам, «самое полное безразличие к насущным проблемам дня».

Он появился на свет в 1920 году в состоятельной буржуазной семье. Даже экономический кризис 1929 года сравнительно мягко сказался на семье Вианов. Единственным, что омрачило его детство, стала инфекционная болезнь, давшая осложнение на сердце.

Студенческие годы Виана пришлось на время немецкой оккупации. Но для него в это время, кажется, единственным неудобством была необходимость не слишком афишировать увлечение джазом. А семья отреагировала на войну лишь тем,

писателем. Существование Виана как литератора и как автора песен просто перестали замечать. Исключительно в силу его идеологии, а вовсе не из-за дурацкой мистификации с Салливаном.

Роман стал своего рода декларацией независимости молодежи от мира взрослых — уроковой реальности, основанной на труде, религии и порядке.

Виану всякий нетворческий труд представляется отвратительным. Так, герой «Пены дней» Колен убежден, что рабочие глупы, поскольку согласны с утверждением, что «труд священ, работать хорошо — это благородно, труд превыше всего и только трудящиеся имеют право на все».

Виан отвергает вообще всякий порядок и в первую очередь — армию и полицию. Он декларирует «абсолютный пацифизм» — невозможность воевать ни за одну идею. Эту мысль Виан будет не раз отстаивать, прежде всего в самой знаменитой своей песне «Десертир».

Виан отвергает религию — не только церковь и ее служителей, выведенных в «Пене дней» шарлатанами и мошенниками, но и сам культ.

Когда создавалась «Пена дней» (1946), Европа лежала в развалинах. Эйфория победы быстро сменялась тревогой — мир впадал в эпоху холодной войны. Интеллигенция пыталась осмыслить причины катастрофы и не допустить новой.

Роман о проникновенной любви двух очаровательных молодых существ, живущих вне времени, был явно не ко двору. Роман о счастье, связанном с любовью, праздностью, гурманством, путешествиями, комфортом. Роман, проповедующий крайнюю степень индивидуализма, абсолютный пацифизм, отрицание порядка.

Впрочем, даже такая свободная музыка, как джаз, все равно создается по своим четким законам. Виан это прекрасно знал. Потому так отчаянно и стремился, опережая время, быть «реалистом, требующим невозможного».